

Первые дни.

Июль 1914 года жилъ я на Кавказѣ, въ Тебердѣ. Прелестное лѣсистое ущелье, синяя крышка неба, сверкающіе ледники Аманауса, шумъ Теберды и дикая лѣнь карачаевского народа. Ясный покой, звонкія утра и задумчивые голубые вечера.

Газеты приходили разъ и два въ недѣлю, но ихъ не хотѣлось читать. Въ Россіи, Европѣ и почти во всемъ мірѣ была тишина: спокойное творческое напряженіе работы сотенъ милліоновъ, отдыхъ и лѣнь тысячъ. Никто не ждалъ грозныхъ событій именно въ тѣ дни. Ужъ одно это свидѣтельствоуетъ, что, подготавлиаясь вообще, великая война вызвана именно въ настоящій историческій моментъ злой волей одного правительства.

Такъ мало въ тѣ дни ожидали войну, что даже невѣроятное требованіе Австріи, предъявленное Сербскому королевству, не обезпокоило: думалось—какъ нибудь обойдется! Не можетъ быть, чтобы въ такой міровой тишинѣ разразилась военная буря!.. Но вотъ девятнадцатаго іюля въ Теберду пришло извѣстіе о всеобщей

мобилизаціи въ Россіи. Говорили, повторяли, но никто не хотѣлъ вѣрить. Двадцатаго опредѣленно стало извѣстно, что Австрія объявила Сербіи войну и Россія мобилизуетъ сполна всю армію. Волновались, но скорѣе волненіемъ любопытства: что-то будетъ? Двадцать перваго іюля съ утра узнали мы опешеломляющую новость: Германія объявила войну Россіи.

Всѣ люди въ Россіи, старые и молодые, будутъ до смерти помнить эти дни. Думаю, что такого чувства русское общество не переживало со времени войны 1812 года: чувство особой жути, личнаго ничтожества и готовность на борьбу и смерть за отечество. Во время японской войны не было и тѣни такого настроенія, и никто не почувствовалъ тогда: вотъ отечество въ опасности! Происходила война гдѣ то на разстояніи восьми тысячъ верстъ отъ столицъ. Здѣсь величайшее въ мірѣ побоище произойдетъ на порогѣ нашего дома. Призывается запасъ за семнадцать лѣтъ. Каждый обыватель простымъ ариметическимъ вычисленіемъ узнавалъ, что это составитъ около шести милліоновъ штыковъ. Одно народное море пойдетъ на другое народное море. Битва небывалая на земномъ шарѣ. Верховнымъ главнокомандующимъ назначенъ великій князь Николай Николаевичъ. Государь выѣхалъ въ дѣйствующую армію. Войска стягиваются къ линіи Брестъ-Литовскъ—Иванъ-Городъ. Виленскій округъ не мобилизованъ. Польша остается пока открытой, можетъ быть какъ поле близкой битвы...

Вотъ какія вѣсти приходили къ намъ одна за другой. Воображеніе не охватывало размѣровъ грядущихъ событій. Газеты прибывали изъ столицъ спустя пять-шесть дней; читали ихъ съ безплодной жадностью.

Многіе выходили на дорогу, спрашивали проѣзжихъ изъ Баталпашинска, со станціи Невинномысской. Рады были простому казаку, жадно слушали его наивныя слова, терпѣливо ждали, пока онъ ворочалъ тяжелыми жерновами мысли.

Теберда быстро пустѣла. Всесильный государственный именной и цифровой аппаратъ нащупывалъ людей даже въ глухомъ ущельѣ Кавказа, подъ ледниками Аманауса. Скакали гонцы, привозили телеграммы врачамъ, профессорамъ, инженерамъ, прокурорамъ — на войну! Остановилось всякое частное движеніе по желѣзной дорогѣ; неправильно ходила почта; первые дни телеграфъ не принималъ частныхъ телеграммъ. Было такое впечатлѣніе, что вокругъ насъ останавливается, безшумно рушится обычная жизнь, налаженная вѣками; въ свои права вступаетъ война. Тревожны стали въ горахъ гулкіе ночные выстрѣлы, и ровный шумъ свѣтлой Теберды уже не могъ строить мысли на вопросы далекіе. Сегодняшнее волновало и ничто, кромѣ сегодняшняго, не казалось значительнымъ.

Я не вспоминаю здѣсь нелѣпыя слухи, которые приползали къ намъ на горныя высоты по долинамъ Кавказа. Были лишь правдоподобныя ожиданія, что въ первые же дни войны и Турція выступитъ на сторонѣ Германіи. Прибрежные и внутренніе курорты Кавказа быстро пустѣли. И только однимъ утѣшались въ эти жуткіе новизной и ожиданіями дни, что война окончится скоро: мѣсяца три—не больше. Казалось невозможнымъ, чтобы при такихъ количествахъ войскъ, при такихъ орудіяхъ истребленія болѣе трехъ-четыреухъ мѣсяцевъ могла продолжаться война. Потомъ я узналъ, что наше обывательское мнѣніе совпадало съ мнѣніями многихъ образованныхъ въ военномъ дѣлѣ людей, и

все это оказалось невѣрно. Такъ полна неожиданностями эта великая борьба народовъ.

Тексты манифестовъ, правительственныхъ распоряженій приходили въ Теберду вслѣдъ за слухами и уже не сообщали ничего новаго. Они только утверждали эти слухи. Но въ торжественной краткости ихъ слога самыя событія представлялись новыми, возбуждали новую тревогу и новые порывы къ борьбѣ. Тянуло въ столицу, гдѣ каждый часъ можно знать, что творится на свѣтѣ. Но въ тѣ дни было безразсудно пускаться съ семьей безъ повелительной необходимости въ далекую дорогу. Даже по военнымъ обстоятельствамъ люди-одиночки съ трудомъ находили себѣ въ поѣздахъ мѣсто.

Поздно ночью 27 июля къ нашей сосѣдкѣ-дачницѣ пріѣхалъ мужъ, призванный на войну. Всею дачей послали просить его сообщить, что извѣстно новаго. Онъ прислалъ номера мѣстныхъ газетъ отъ 25—26 іюля. На террасѣ, при свѣтѣ лампы мы сгрудились за столомъ, человѣкъ двадцать въ возрастѣ отъ восьми до шестидесяти лѣтъ: чиновники, студенты, дѣти, профессора, врачи. Перебрали нѣсколько чтецовъ, пока остановилось на одномъ, который читалъ выразительнѣе, яснѣе и громче всѣхъ. Читали: Англія объявила войну Германіи; германцы вторглись въ Бельгію; русскіе перешли границу Германіи; первые плѣнные въ Варшавѣ; у береговъ Африки французскія суда встрѣтились съ германскими крейсерами и нанесли имъ уронъ; Италія нейтральна... Можетъ быть по своему понимая странныя слова, — нейтралитетъ, крейсера, граница, плѣнные, морской бой, — и, вѣроятно, еще живѣе взрослыхъ воспринимая жуткую супцность великихъ на землѣ со-

бытій, девятилѣтняя дѣвочка слушала и, прижавшись ко мнѣ, вся дрожала мелкой дрожью.

— Что съ тобой?

Она не могла раскрыть рта—стучали зубы. Заплакала, жалуясь на холодъ. И, когда засыпала, сквозь слезы бранила злые народы за то, что дѣлають войну...

Съ такими переживаніями въ дѣтствѣ совсѣмъ иными вырастуть молодья поколѣнія нашихъ дней. Да и въ душѣ взрослыхъ сразу другимъ предсталь человѣческій міръ. Даже прелесть горъ, лѣсистыхъ склоновъ, каменныхъ вершинъ, сверкающихъ ледниковъ, звонъ голосовъ въ ущельѣ—все по новому воспринималось потревоженной душой.

31 іюля, возвратившись съ прогулки, узналъ я, что на мое имя привезли съ ближайшей телеграфной станціи (50 в.) телеграмму. Ужъ вся дача знала ея содержаніе: это газета „Рѣчь“ предлагала мнѣ ѣхать на войну. Со мной стали обращаться, какъ съ человѣкомъ, доживающимъ послѣдніе дни: ласково-печально.

Изъ Теберды на Кисловодскъ выѣхали мы 2 августа. Первый день до аула Маринскаго, второй—до Кисловодска. Ѣхали на линейкахъ. Свѣтлыя воды Теберды, мутная Кубань, зеленыя цвѣтистыя поляны, хрустальные звоны горныхъ источниковъ, тепло, благоуханье, тишина и сверкающія на солнцѣ снѣжныя высоты кругомъ. А утромъ съ двухверстной высоты Маринскаго перевала открылся видъ на главную цѣпь Кавказскихъ горъ, отъ Эльбруса до Чернаго моря. Передъ нами на двѣсти верстъ протянулся изорванной лентой снѣговыхъ вершинъ, четко и колоче вылѣпленный изъ лавы горный кряжъ. Двумя круглыми бѣлыми головами Эльбрусъ подпираль молочно-голубыя небеса.

Синее, зеленое, сверкающая бѣлизна, прозрачное стекло безмѣрныхъ далей... Прекрасное очарованье! Но сознаніе, что въ этомъ удивительномъ мѣрѣ началась война, какъ темное чудовище на днѣ прозрачнаго озера, лежало въ глубинѣ души, изрѣдка колыхало и темнило свѣтлыя впечатлѣнія бытія.

По дорогѣ до самаго Кисловодска ничто о войнѣ не напоминало. Мирный Карачай, свободный отъ солдатчины, безмятежно ползаль со стадами по склонамъ горъ. Дымились ароматнымъ дымомъ тихіе аулы. Но уютный и въ это время года, обыкновенно, полный народомъ Кисловодскъ былъ почти пустой. На станціи Минеральныя Воды война уже стала близкой. Погромывавая буфферами, тянулись на сѣверъ одна за другой длинныя цѣпи солдатскихъ поѣздовъ. Вслѣдъ поѣздамъ выли и причитали бабы, ослабѣвшія отъ горя валились другъ другу на груди:

„Да онъ та у меня былъ хорошенькій! Да онъ та былъ лю-би-и-имай!..“

Въ почтовомъ поѣздѣ мѣста брались штурмомъ. Были счастливы, если съ билетомъ перваго класса попадали въ третій. Въ Ростовѣ на Дону еще тѣснѣе. Женщины бросали черезъ окна на диваны дѣтей, а сами блѣдныя лѣзли въ окна; люди плакали, дрались, кричали, охваченные истерикой общей тревоги. Двое сутокъ до Москвы въ два ряда стояли въ корридорахъ вагоновъ, и только за Москвой стало просторнѣе и свободнѣе.

Въ арміяхъ всѣхъ странъ соблюдалась полная тайна въ распредѣленіи, передвиженіи и устройствѣ войсковыхъ частей, и военные корреспонденты въ мѣста военныхъ дѣйствій въ началѣ войны не допуска-

лись. Въ главномъ штабѣ полковникъ, вѣдающій дѣлами печати, сказалъ мнѣ, что до сихъ поръ неизвѣстно будутъ ли вообще допущены военные корреспонденты, а если допущены, то на какихъ условіяхъ. Онъ даже не могъ сказать, съ какой черты начинается запрещенное для стороннихъ наблюдателей мѣсто.

— А можно ли ѣхать въ Варшаву?

— Не знаю... Попробуйте!

Пришлось выждать первыя недѣли всеобщаго возбужденія, подозрительности и тревоги.

Петроградъ (до 19 августа еще Петербургъ) жилъ въ фантастикѣ жуткихъ своей краткостью сообщений штаба верховнаго главнокомандующаго. Удачи—неудачи, какъ жаръ и холодъ великой общенародной лихорадки, посмѣнно мучили душу. Удачное и быстрое наше вступленіе въ Восточную Пруссію и—австрицы подъ Люблиномъ; несчастье подъ Сольдау и—взятіе Львова... Наконецъ безграничное изумленіе, ужасъ, негодованіе всей Европы по поводу суровыхъ и жестокихъ приемовъ веденія германцами войны.

Въ тѣ дни, казалось, всѣ силы души человѣческой были направлены на то, чтобы представить себѣ, какъ совершается дѣло войны? Разказы раненыхъ солдатъ печатались и читались, какъ откровеніе. Кто въ тѣ дни не перечиталъ „Войну и Миръ“ Л. Н. Толстого?! Люди склонны были вѣрить легендамъ и сомнѣвались въ фактахъ; мучительно хотѣлось найти потерянную мѣру дѣйствительности.

Для меня въ тѣ дни вопросъ о военной обстановкѣ имѣлъ не только художественный, но ближайшимъ образомъ и житейскій интересъ — какъ собраться на войну? Я слышалъ, что многіе писатели пред-

полагали ѣхать на войну и только ждали разрѣшенія или выясненія обстоятельствъ войны. Ближайшихъ изъ нихъ я видѣлъ тогда же, это А. И. Купринъ и В. И. Немировичъ-Данченко (оба—отъ „Русскаго Слова“). Особенно интересна была бесѣда съ В. И. Немировичемъ-Данченко. Онъ участвовалъ въ трехъ войнахъ и боевую обстановку знаетъ хорошо. В. И. показывалъ мнѣ свои снаряженія: вьюки, одежду, обувь, бѣлье, сумки, сѣдло и др. вещи, какое-то имъ самимъ придуманное пальто: два мѣха и прослойка изъ брезента, ни за что не промокнетъ! Впрочемъ, самъ онъ отмѣчалъ, что война здѣсь происходитъ въ мѣстахъ населенныхъ и богатыхъ, и большихъ лишений испытывать не придется. Даже въ Манчжуріи онъ всегда находилъ себѣ крытый ночлегъ...

Въ концѣ августа, не дождавшись разрѣшенія отъ главнаго штаба, я выѣхалъ въ Варшаву.

Петроградъ,
24 апрѣля 1915 г.

